

Энкар Какимбаева

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ...

И. П. Щеголихин о себе и о времени

Иван Павлович Щеголихин, народный писатель Казахстана, родился 1 апреля 1927 года в Ново-Троицке Кустанайской области в семье крестьян-переселенцев, подвергшейся раскулачиванию и репрессиям в годы коллективизации. Перед войной Щеголихин вместе с родителями жил во Фрунзе, по окончании девяти классов поступил в авиашколу пилотов, в последний год войны у него обнаружили эпилепсию. Потрясение оказалось настолько сильным, что он совершил проступок, вовремя не явился в часть и, испугавшись последствий, решил дезертировать, поменять фамилию. С новыми документами на имя Евгения Писаренко, 1928 года рождения, в 1945 году поступил в Алма-Атинский медицинский институт. Из-за предательства любимой женщины с 4-го курса мединститута был отправлен в лагерь, отсидел три года, судимость сняли из-за отсутствия преступления (из воинской части его списали из-за болезни, а Щеголихин не знал об этом).

Вернувшись из лагеря, он только после вмешательства Президиума Верховного Совета КазССР был восстановлен в медицинском институте, окончил его и занял свое место в обществе: почти 20 лет был заведующим отделом прозы, заместителем главного редактора, заведующим отделом документальной прозы в республиканском журнале «Простор», стал народным писателем Казахстана, лауреатом премии им. М. О. Ауэзова, кавалером ордена «Парасат». Последние годы Щеголихин работал в президентской команде: в 1990–2000-е годы был членом Консультативного совета при Президенте Республики Казахстан и Национального Совета по государственной политике, депутатом Парламента РК и сенатором. Жена И. П. Щеголихина, Иветта Николаевна, – врач по профессии, дочь – балерина, сын, ушедший из жизни молодым, был художником.

У этого незаурядного человека, писателя по призванию, трагическая жизненная судьба. Неслучайно до сих пор в энциклопедических изданиях, справочниках о нем сообщают скудные, с большими купюрами сведения: родился в 1927 году, в АГМИ поступил в 1946-м, окончил в 1956-м, первое крупное эпическое произведение опубликовал в 1954-м, время создания многих произведений, в том числе и романа «Снега метельные», обозначено неопределенно – 1961, 1977-й; также упоминается, что около 20 лет (с перерывами) работал в журнале «Простор», пять раз увольнялся «по собственному желанию».

О прозе 1950–1960-х годов говорится лишь в перечислительной интонации, больше сообщается о переводческой деятельности: Щеголихин перевел «Тернистый путь» С. Сейфуллина (совместно с С. Талжановым), повести С. Муканова «Балуан Шолак» и «Шаги великана», повесть Г. Мустафина «Очевидец» (совместно с Т. Алимкуловым), «Под небом Турфана» Х. Абдуллина, «О друзьях-товарищах» М. Габдуллина, роман З. Акишева «Жаяу Муса», повесть А. Шарипова «Дочь партизана», роман Б. Сокпакбаева «Мертвые не возвращаются» и др.

Больше известен Щеголихин-писатель 1990–2000-х годов: интенсивно издаются романы, не увидевшие свет в свое время из-за острой полемичности и социальной актуальности. «Старая проза» (1967 г.) и «Другие зори» (1970 г.), запрещенные после разгромных статей в республиканских и всесоюзных газетах, увидели свет в 1990-м, автобиографический роман «Не жалею, не зову, не плачу...» и «Любовь к дальнему» – в 1997 году. Книга «Холодный ключ забвенья» издана в Санкт-Петербурге в 2003 году.

Но начало его творческого пути было безрадостным. Первый рассказ был напечатан лишь в апреле 1954 года в «Просторе». По признанию писателя, до этого разными редакциями были отвергнуты более двадцати рассказов, одна повесть и роман о медиках. Щеголихин в интервью Н. Касеновой утверждает, что «призвание есть нечто такое, что воздействует на человека помимо его воли», и что он «действительно стал писателем по призванию, то есть не мечтая, не думая, не гадая им быть».

Писатель позже признавался, что «писать начал от неудовлетворенности жизнью – можно и так сказать. Был несчастен, пока не нашел счастья в работе по душе, в любимом деле. Кто-то прекрасно сказал: «Творчество – это любовь, сделанная видимой». Подтверждением этому служат творческие истории его произведений.

Перипетии выхода в свет первой повести «В одном институте» рассказаны самим писателем. Во время Всесоюзного совещания молодых писателей на семинаре прозаиков под руководством Н. И. Замошкина эта повесть была подвергнута критическому анализу. Писатель вспоминает отрицательную рецензию Елены Успенской: «В произведениях автора не чувствуется любви к профессии медика, нет романтики профессии. Герои мало интеллектуальные, автор не копнул глубоко. У профессора нет любви к ребенку. Плох язык. Огорчает холодность. В повести “В одном институте” слишком много отрицательных персонажей. Много жаргона». Павел Шебунин отмечал, что «автор способный и смелый. Много интересных находок... Правда не всем приятна. В повести много спорного, острого, много медицинских подробностей, но автор поднимает важные проблемы воспитания молодых кадров», а руководитель семинара Н. Замошкин сказал, что «...именно так и надо писать: пан или пропал? Он фабулист, умеет писать интересно. “В одном институте” – повесть честная, мужественная, глубоко советская и своевременная. Автор ставит нравственные проблемы советской молодежи. Много интересных деталей. Повествование непринужденное. Жаргон помогает создать образ советской молодежи».

Эта повесть была напечатана в журнале «Советский Казахстан» и вызвала много споров, отзывов, большей частью отрицательных.

Тот же резонанс из-за острой темы – спекуляция на национальном происхождении – вызвала следующая повесть «Храни огонь», не преодолевшая республикан-

ские цензурные препоны и изданная в Москве под названием «Назаров». Повесть И. Щеголихина «Храни огонь» с многозначным заглавием-символом выявляет гражданскую позицию героя, которая формируется в сложных взаимоотношениях с другими людьми, с коллективом, где он трудится. Писатель утверждает, что все, связанное с понятием «жизнь», зависит от самого человека, что он всему начало и конец. Для него важно понять, что означает формула «быть человеком в высоком смысле этого слова». В повести «Храни огонь» врач-анестезиолог Есетова стала виновником смерти больного на операционном столе, но не признает себя виновной, а пытается переложить вину на других, хотя ее низкая квалификация, безответственность и неуживчивость всем известны.

Щеголихин в разных сюжетных ситуациях раскрывает отношение к случившемуся коллег Есетовой, тем самым выявляет сущность героя. Директор института онкологии профессор Айдар Назарович Назаров, профессионал своего дела, талантливый хирург, знает возможности Есетовой, но в силу слабости своей натуры, прикрываясь интеллигентской деликатностью, он не предпринимает никаких действий, надеется, что Есетова изменит свое поведение, повысит квалификацию, прилежнее станет относиться к своим обязанностям, при этом понимает тщетность своих ожиданий. Но все же на общепитательской конференции он от лица коллег определяет свое отношение к врачу: «Надо иметь элементарное мужество признать свои ошибки или хотя бы разделить их с другими».

Назаров, прошедший войну, не раз воевавший со смертью и привыкший смотреть врагу в лицо, не искушен в другой войне, в кляузных делах, интригах, дрязгах. Его заместитель Замятин вместо поддержки предлагает оставить в покое Есетову ради спокойствия всего коллектива, тем более у нее влиятельный родственник – вице-президент Академии наук республики. Назаров одерживает победу, освобождает Есетову от занимаемой должности, аргументируя тем, что страшен рак, с которым ведет борьбу их институт, но еще страшнее «рак души человеческой». И самое верное средство в лечении рака – удаление опухоли. Проблема в том, каким должно быть добро, каковы методы работы руководителя с подчиненными: мягким и деликатным либо жестким и авторитарным, решается в этом произведении через поступки и еще больше через мысли и внутренние монологи главного героя, хранящего огонь для поддержания живой души.

Такова же судьба и «Старой прозы». Первоначальное заглавие этого романа, написанного в 1963 году, – «Круг». Роман посвящен трагической судьбе творческой интеллигенции в период культа личности Сталина. Главный герой – Павел Хомутов, молодой художник, выпускник художественного училища Алма-Аты, проходит все стадии увлечения Сталиным, разочарования в нем и в искусстве, физического и нравственного падения и очищения, возвращения к творчеству, и все это происходит в 50–60-е годы. В эпилоге сообщается о событиях в жизни и страны и самого художника и утверждается мысль о бессмертии творчества. «XX съезд и разоблачения культа Сталина он пережил глубоко и болезненно, ходил сам не свой. Он чувствовал свою вину, кроме крушения – сокрушения своей веры, он был причастен к утверждению культа, к возвеличению вождя, он поставил свой талант на службу позорному и преступному делу, что было, то было».

Искреннее желание покаяться, пройти через очистительный суд людей не состоялось. Герой понимает, что ему не перед кем каяться: «Покаяние – таинство, а не базар, не фарс, не ералаш в печати и со всех трибун. И что поразительно – чув-

не все подряд стали говорить, причем с гордостью говорить, что они уже тогда, в 37-м, все знали про Сталина, но вынуждены были молчать».

Павел же считает, что это предательство. Его позиция другая: когда он верил, написал «Зарю», а перестал верить – написал «Заем», страшную правду о жизни того времени. Автор сообщает о своем герое главное: «Все годы Павел очень много работал, писал и писал холсты, никому не нужные, – рука просила, душа просила успокоения, траты сил, выхода, иначе бы он взорвался и снова ушел в запой». Счастье он обрел в жене Асии и в детях – Петре, Соне, Бахыт.

После признания, персональных выставок, предложений вступить в партию, стать директором детской художественной школы наступила новая полоса испытаний. Хрущев устроил разнос в Манеже, на окраинах начались проработки авторов «вредных и искажающих» действительность произведений, и бывший товарищ по училищу, теперь кандидат искусствоведения В. П. Воскобойников называет Хомутова «жалким подражателем буржуазного модернизма и патологического сюрреализма», и он снова становится «отверженным и гонимым». Но Щеголихин не заканчивает на этой горестной ноте свое повествование о трагической судьбе художника: «Снова у Павла спасительный круг – дом, семья, мастерская». Как и предрекал Домбровский, «судьба художника требует запятую, бывает, что и сама смерть не в силах подвести черту».

Щеголихинская правда о подлинном искусстве и его создателе в силу осознанно и тенденциозно выраженной мысли не смогла увидеть свет в 1963-м, «оттепельном» году.

Судьба второго романа из так называемой «задержанной» прозы писателя – «Другие зори» еще более печальна и трагична. Об этом подробно рассказано в книге писателя «Холодный ключ забвенья». 1970 год для писателей Казахстана плодотворен: появилась «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова, отмечают юбилеи казахских и русских писателей, театр «Современник» в гостях у «Простора», имя Щеголихина у всех на слуху из-за «Назарова» (опять обвинения в «очернении» казахов), из-за премии Литинститута за роман «Снега метельные». И в этих условиях возник замысел романа о Рудном. Щеголихин заглавие нашел у Николая Асеева:

Говорила моя забава,
моя лада, любовь и слава:
– Вся то жизнь твоя – небылица,
вечно с былью людской ты в споре,
ходишь-ищешь иные лица,
ожидаеть другие зори.

Роман был написан быстро, в январском номере «Простора» увидели свет первые главы, но ЦК из-за противоречивости откликов потребовал задержать печатание, предварительно обсудить на заседании редакции. Одним из первых оппонентов стал Эдуард Мацкевич, написавший отрицательный отзыв. И. П. Щеголихин рассказывает в своих мемуарах и интервью историю злоключений романа: очень много писем, обидных и мелочных, анонимных и коллективных, от малоизвестных и знатных людей Соколовско-Сарбайского комбината, рецензия в газете «Рудненский рабочий» («Он едет за тридевять земель не искать героическое в жизни нашего города, не понять душу его создателей, а просто на новом месте ковыряться в душе своей»).

11 мая 1971 года в «Казахстанской правде» была напечатана рецензия с характерным названием «Кому светят “Другие зори”?» и выводом о том, что автор незрелый в идейном отношении, не знает жизни, он просто пытается скомпрометировать большой коллектив рабочих казахского города Рудного.

Среди обвинений было и замечание, что в романе нет положительных образов рабочих – казахов по национальности. Щеголихин объяснял отсутствие в романе казахов опять той же строгой документальностью. «В романе конкретный город конкретный комбинат, конкретные люди – директор, парторг, журналист. И тот, и другой, и третий – не казахи. В Рудном нет казахской газеты, нет казахского радиовещания».

Писатель вспоминает действенную помощь людей, понявших его роман и, в первую очередь, Вл. Владимирова, в то время помощника Д.А. Кунаева: в эти трудные для писателя дни появилась объективная рецензия о том, что «Другие зори» – «роман о пути писателя к рабочему классу»...

Герой, нашедший свое место на целине, показан Иваном Щеголихиным в следующем психологическом романе с романтическим названием «Снега метельные». По воспоминаниям самого писателя, в 1966 году на съезде писателей Казахстана Д. А. Кунаев сказал, что «в республике до сих пор нет ни одного произведения о целине», хотя к тому времени роман Щеголихина «Снега метельные» был опубликован в «Октябре» с одобрения Ф. Панферова. Главы из него перепечатавали газеты, читали по всесоюзному радио, роман был переведен за границей, в Польше, в Болгарии. В Москве театр Ермоловой заключил договор с автором на спектакль по роману.

Писатель вспоминает о том времени в одном из интервью: «Роман о людях целины первых лет. Тогда я еще работал врачом и с бригадой медиков был командирован в свою родную Кустанайскую область в декабре 56 года, когда самый первый казахстанский миллиард лежал невывезенным в глубинках и пропадал. Лютая была зима, новые совхозы еще не обустроены, трудно было работать, но мне понравилось там все. Люди прежде всего – все молодые, красивые, отважные, будто по конкурсу пришли все туда из всех республик. Мне нравилась их самоотверженность, их отношение к трудностям, все-таки Кустанайщина – край суровый, да еще зимой...»

Одним из ведущих мотивов романа является мотив бескрайности и безбрежности Кустанайщины как целинного края. Но главным является понимание происходящего самими героями, суть которого излагает в разговоре с секретарем райкома Николаевым молодая медсестра Женя Измайлова: «Целина, к вашему сведению, это еще и новые человеческие взаимоотношения, без формализма, бюрократизма...»

И. Щеголихин создает образ новой жизни, зарождающейся в новых условиях середины пятидесятых годов, он выявляет и пластически оформляет внутреннюю, нравственную сущность новых людей, уточняет и определяет их морально-этические принципы. Думается, не только потому, что этого требовали законы социального реализма, а больше от ощущения наступившей свободы, в том числе и творческой. Неслучайно время с неповторимой атмосферой и психологией является главным действующим лицом романа: окончание войны, возвращение к мирной жизни и испытание людей и общества миром, поэтому автор исследует поведение человека в новых условиях прочного мирного «постоянства». Писатель,

показывает время, когда нравственное здоровье общества определяется прежде всего теми, кто лишен корысти. Таковыми являются молодые герои Щеголихина, приехавшие на целину за своим счастьем.

Действие романа происходит на целине в первые годы ее освоения. Мотив бескрайней степи, наполненной жизнью, реализован через пейзажные зарисовки. События ограничены четкими временными рамками – лето-зима 1954–1955 годов, когда был дан рекордный казахстанский урожай. В условиях, непривычных для простого обывателя, проверяются на прочность чувства людей, герои ищут ответы на вечные вопросы о любви, измене, предательстве, жалости, страдании и душевном исцелении. Ведущими сюжетными линиями романа являются истории Грачева и его жены Ирины Михайловны; молодой медички Жени Измайловой и секретаря райкома Николаева; драматичная судьба Сергея Хлынова, не нашедшего счастья в любви и покинувшего целину после тяжелой любовной драмы (сюжетная линия Сергей – Ирина) и тяжелого увечья.

Сам И. П. Щеголихин так говорит о целинниках, ставших прототипами его героев:

«Всем было трудно, но все жили, словно бы не замечая трудностей, просто жили безо всякого “героически боролись”, потому что жить, не замечая трудностей, не канюча, не жалуясь, не сутяжничая, не выгадывая – это более нравственно, более мужественно, более героично... Меня всегда покоряет энтузиазм, самоотверженность, я бы сказал, очаровывают. Нельзя этого не замечать, и я написал роман, свое признание в любви к этим людям, к этому краю, к этому делу... В романе рассказывалось о любви и о том, что мы называем личным счастьем, а я бы назвал еще и вечным счастьем».

«Снега метельные» создавались И. П. Щеголихиным после возвращения из лагеря, в период творческого подъема, после поступления в Литературный институт, долгого пребывания на целине в Кустанайской области в составе республиканской эпидбригады. После долгих переработок и обсуждений, действенной помощи Федора Ивановича Панферова роман был рекомендован к публикации. Главный редактор журнала «Октябрь» одобрил и заглавие: «“Снега метельные” очень удачное название, соответствует всему стилю произведения, метельные сугробы, трудности, суровость и вместе с тем и чистота».

После перестройки и получения Казахстаном государственной независимости И. П. Щеголихин обрел «второе дыхание». Интернационализм, всеотзывчивость его проявляются не только в его деятельности как публициста, сенатора, но и в плодотворной творческой работе, позволившей создать остроактуальные, злободневные по содержанию, необычные, оригинальные по форме произведения: автобиографические романы «Не жалею, не зову, не плачу...» (1987–1989 гг.) и «Любовь к дальнему» (1996 г.); мемуарная повесть «Мир вам, тревоги прошлых лет» (2003 г.); автобиографический роман «Выхожу один я на дорогу» (1996–2004 гг.); такого же плана повесть «Холодный Ключ забвенья» (2001 г.); в журнале «Зеркало» (2004 г.) увидела свет документальная повесть «Девяносто пятый...»; в двух номерах журнала «Простор» за 2009 год был напечатан «Дневник писателя». Последние годы жизни И. П. Щеголихин работал над книгой «Благословляю все, что было».

Объяснение причин обращения И. П. Щеголихина к жанру воспоминаний, автобиографий и мемуаров можно найти в высказываниях самого писателя. В

интервью одной из казахстанских газет он ссылается на Л. Н. Толстого, который в 1907 году писал, что «настанет такое время, когда писатели перестанут сочинять, перестанут придумывать конфликты, сюжеты и будут писать только о своей жизни». Щеголихин признается, что «это всегда помнил, начал писать о своей жизни в шестьдесят лет и уже не вернусь к сочинительству. Еще одной первопричиной обращения к этим жанрам явилась фраза из Корана, которую он услышал в 1944 году и запомнил на всю жизнь: «Твоя судьба записана в Книге вечности, и Ветер жизни листает ее случайные страницы».

Автобиографический роман «Не жалею, не зову, не плачу...» был начат в 1986 году, хотя замысел, подсказанный самой жизнью, вынашивался, скорее всего, на протяжении долгого, насыщенного событиями времени. Не случайно завершается это непростое повествование «о себе, о времени» признанием: «...Я не знал в тот день, что пройдет время, и десять, и двадцать, и тридцать лет пройдут, я стану старым и скажу внуку: то были лучшие годы в моей жизни, я ни о чем не жалею». «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым, увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым». Преобладающей идеей романа является мысль о том, что автор, несмотря на все трудности, выпавшие на его долю, несмотря на острое ощущение тотального трагизма окружающей его действительности, остается верен идеям высшей нравственности и справедливости, и в этом видит свое предназначение.

И. П. Щеголихин строит свое повествование, как рассказ от первого лица, заставляя нас воспринимать его, несмотря на беллетризованность, как автобиографический роман. Он специально подчеркивает, что это повествование «от первого лица. О времени, о жизни, о себе. О советской действительности. О детстве. Об Отечественной войне, о юности и первой любви. О лагере в Сибири в начале 50-х...» Писатель рассказывает о собственной жизни, о своих родителях, близких людях, раскрывает мало кому известные моменты своей биографии, развивавшейся как невероятно причудливый сюжет. Во главу угла увлекательнейшего сюжета о самом себе он поставил идею любви: «Жизнь моя только к одному сводится – к любви. Умирая, хоть завтра, хоть через полсотни лет, скажу одно: только ради любви стоит оставаться на этом свете. Любую беду она может превратить в надежду. Иных ценностей нет и, дай бог, не будет, хотя нам и пытаются их навязать» (цитата из романа «Не жалею, не зову, не плачу...» рефреном проходит через все книги последнего времени).

Во втором повествовании («Выхожу один я на дорогу»), названном самим писателем автобиографическим романом, от первого лица рассказывается о жизни самого автора и страны с начала перестройки до 2003–2004 годов. Произведение остросовременное, во многом полемическое, о социальных и ментальных, ожидаемых и неожиданных проблемах нашей новой жизни. Вопросы, которые ставит Щеголихин – «Как жить дальше, чему верить и на что надеяться, что признавать и что отвергать, как обрести мужество и отстоять счастье?» – требуют неоднозначных ответов, поиском которых вместе с автором заняты и его персонажи, которые имеют реальных прототипов, то есть взяты из жизни. События, изложенные в романе, – подлинные (политические и поэтические, комические и трагические), автор ничего не выдумывает, сюжеты предложила сама действительность, он их выстроил в определенной последовательности, следуя своей художественной концепции. Местом действия в этих сюжетах являются Алма-Ата и Астана, Париж и

Швейцария, Москва и Петербург. Но главной темой для автора в этом богатом на события романе стала утрата роли художественной литературы в нравственном воспитании человека и общества.

Такой же характер носит еще одна книга Ивана Щеголихина с емким заглавием «Хочу вечности», увидевшая свет в 2000 году. Писатель назвал ее, исходя из первоначального толкования, повестью: «Я пишу повесть, делюсь со всеми, и верю, что рукописи не горят». По объему (количеству страниц) она небольшая по глубине и широте поднятых проблем она эпична, по мнению Г. Бельгера, «потянула бы на трилогию, а то и на хамсу-пятерицу». В этом произведении необычна не только форма. Писатель не раз подчеркивает ее «выход» за пределы художественного произведения, определяет приоритет лирико-публицистического начала. Рефреном через все повествование проходит мысль автора о том, что «погоревать и поговорить – слова близкие», а для самого Щеголихина это – главный нравственный постулат жизни. Как писатель и человек, он активно утверждает, что «обозначишь свое горе словами – и станет легче».

В повести «Хочу вечности» сюжет многослоен: ведущей, как положено в художественном тексте, является любовно-лирическая линия. Особую функцию выполняет историко-философский сюжет: Щеголихин приводит немало сведений из истории, философии, религии Европы и, в частности, Швейцарии, где он побывал на «круглом столе» ОБСЕ, получил массу впечатлений от прикосновения к жизни Жана Кальвина, Мартина Лютера, от знакомства с истоками христианской культуры, истории православия, католицизма и протестантизма. Рассматриваемые им проблемы также разнообразны: европейская свобода и демократия, судьбы российских немцев и т. п. Но более интересен сюжет, написанный на автобиографическом, бытовом, сугубо фактологическом материале: Щеголихин, очевидец и участник событий, повествует об атмосфере, царившей в Союзе писателей и журнале «Простор» в 60-х годах, и о литературных распрях, подробно описывает перипетии своей судьбы.

Но самым поучительным и познавательным является художественно-публицистический сюжет, где автор неравнодушно рассуждает о болевых точках нашего общества, нашей страны. Он откровенно размышляет о независимости, о национальной культуре, о государственном языке, о тех или иных страшных эпизодах переходного периода, о перекосах в идеологии и политике. Все сложное повествование объединяет личность самого автора, который считает себя исконным казахстанцем, патриотом Казахстана и доказывает это, честно выполняя свой долг гражданина. Его выстраданная, проверенная временем и испытанная на самом себе формула: «Патриотизм – это любовь к своему народу без ненависти к чужому, к чужой вере, расе, культуре. А национализм – это ненависть к чужому народу, к его вере, расе, культуре. Различие очевидное, спутать любовь и ненависть невозможно». Поэтому автор повести «Хочу вечности» взывает к разуму: нужно все помнить и все понять и, прежде всего, понять друг друга. В этом, по мнению Ивана Павловича Щеголихина, главная мудрость жизни нашей многонациональной республики.

Как видим, во всех книгах Щеголихина последних лет основу сюжета составляют воспоминания о прошлом, о довольно большом отрезке исторического времени (более семидесяти пяти лет жизни писателя и всей страны), преломленном в творческом сознании автора. Подлинность изображаемого, совмещение реальности

фактов с богатством художественных возможностей его отражения позволяют нам отнести эти произведения к разным жанрам художественно-документальной прозы, основная цель которой «остановить мгновенье», зафиксировать осевшее в памяти прошлое, передать представление о нем читателям разных поколений.

В силу определенных причин эти произведения невозможно отнести к исторической прозе, хотя их сближает интерес к историческому прошлому. Прежде всего, потому, что историческая проза исключает явное присутствие автора в изображаемом, а Щеголихин во всех названных произведениях является полноправным их персонажем, свидетелем и участником минувших событий. Он свободно вступает в контакт с другими действующими лицами, связанный с ними общностью времени и пространства. К примеру, в остроактуальной повести «Девяносто пятый...» он, сенатор Парламента, понимающий смысл деятельности высших сфер власти, с высоты своего времени и прожитых трудных лет, рассказывает о роспуске Верховного Совета и создании действующего Парламента. Здесь нет вымышленных персонажей, все действующие лица названы настоящими именами и фамилиями, это известные в Казахстане люди. Щеголихин в форме увлекательного сюжета показал драматичные для страны и для непосредственных участников события изнутри. Поэтому это произведение также можно с полным правом отнести к мемориальным жанрам, «чье функциональное назначение – служить прямым проводником памяти, её непосредственным выражением».

Мотив памяти становится сюжето- и жанрообразующим фактором в одном из последних по времени создания и публикации произведения Щеголихина «Дневник писателя» (2009 г.). Известно, что сюжет дневника ограничен происходящим в настоящем, сейчас. Автор дневника стоит у истоков событий, они могут прогнозироваться, иногда непредсказуемы, выводы и суждения в дневнике могут быть сделаны под впечатлением недавно бывшего, следовательно, несут на себе отпечаток пережитого, достаточно эмоциональны.

Классический дневник представляет собой периодические записи о текущих событиях, поэтому он эссеистичен. Тот, кто ведет его, основное внимание сосредоточивает на том, что считает наиболее существенным, что стало для него самым ярким, запоминающимся. У И. П. Щеголихина акцент делается на вторую сторону заглавия: дневник писателя, поэтому он не просто воспроизводит те или иные моменты своей биографии, но и описывает среду, в которой действуют его современники, отношения, нравы самой эпохи. Эта среда создается как отдельными замечаниями, беглыми зарисовками, так и портретами людей. В силу жанровой специфики дневника Щеголихин может позволить лишь фрагментарное изображение людей, оказавшихся в поле его зрения, но тем не менее, облик времени, страны, его реальных современников и самого писателя показан полно, емко и реалистично, как во многих его произведениях.

